

ОСЕННИЕ ВИЗИТЫ

*Страшен и грозен он; от него самого
происходит суд его и власть его.*

Книга пророка Аввакума

*Я раскрыл себе грудь алмазным серпом
И подставил, бесстыдно смеясь и крича,
Обнаженного сердца стучащийся ком
Леденящим, невидимым черным лучам.*

Сергей Калугин

*— Это только слова, — сказал Убивающий
Словом. — Только ветер, сорвавшийся с твоих
губ. Неужели ты думаешь, что я испугаюсь
ветра?*

Ярослав Заров

Садитесь рядом. Садитесь, это будет долгая история. Я и сам не знал, насколько долгая, когда начинал ее рассказывать.

Вы любите страшные сказки? Я — нет. Во всяком случае, мне так казалось.

Но нам редко дано делать лишь то, что мы любим.

Главное, что следует запомнить вначале, — эта сказка не о Вас. Она могла случиться и она может случиться, но только не с Вами.

Вы в безопасности, в мире, который тверд и надежен. Вас нет в этой сказке, и если даже Вам покажется обратное — Вы ошиблись. Поверьте.

И если Вы дочитаете до конца и нечто темное коснется Вас — не пугайтесь. Просто страшная сказка, которую рассказывают страшные люди.

Эта сказка не о Вас.

Но если однажды ночью Вы проснетесь в пустой квартире от щелчка выключателя, не спешите поднять голову и спросить: «Кто там?»

Возможно, это окажетесь Вы сами.

Часть первая

ПРИХОД

0

Стены здесь были деревянными, но под некрашеными сосновыми плашками лежал свинец. Только дерево — пол из дубового паркета, стены из сосны, глубокое, но жесткое кресло, маленький круглый столик. На столе — открытая тетрадь, два остро оточенных карандаша, три свечи в грубо вырезанном из капа подсвечнике.

Вошедший в комнату мужчина плотно затворил дверь и сел за стол. Взял карандаш, поднес к глазам так, чтобы кончик грифеля заслонил пламя свечи. Придирчиво изучил заточку, потом пододвинул тетрадь поближе. Под последней записью, корявой, небрежной — «Дежурство сдал. Пятое октября, шесть часов вечера», — аккуратно написал: «Заступил на дежурство. Пятое октября, приблизительно шесть часов вечера».

Часов у него, конечно, не было. Армейских бюрократов это всегда приводило в ярость. Но спорить с эсперами они не решались. Себе дороже.

Откинувшись на высокую твердую спинку, он смотрел на пляшущие язычки пламени. Смотрел, постепенно расслабляясь, позволяя огоньку свечи заполнять весь мир. Дрожащее пламя вокруг, он в центре. Дежурство принял...

Если открыть дверь, единственную, ведущую из деревянной комнаты, то взгляду открывался длинный полутемный коридор. Лишь в конце его тускло светил матовый плафон, как бы отмечая границу, за которой вновь начинался двадцатый век. Шесть таких коридоров сходилась в маленьком зале, где были два лифта, наглухо закупоренная аварийная лестничная шахта, вентиляционный штрек и потертый, обитый жестью стол. За столом молодой капитан в форме Внутренних войск

перелистывал ветхий номер «Андрея», забытый здесь невесть кем и невесть когда. К Внутренним войскам он имел столько же отношения, сколько и к Железнодорожным. Объект «пси» когда-то подчинялся ГРУ, но последние десять лет был выделен в особую единицу, подотчетную непосредственно президенту.

Пройдя мимо скучающего капитана, в очередной раз знакомящегося с историей российской эротики, можно было вызвать лифт. Самая обычная красная пластиковая кнопка, как и положено, находилась на стене возле раздвижных дверей. Еще одна кнопка, подтверждающая вызов лифта, маленькая и неприметная, была вмонтирована в стол. Кроме того, во время трехминутного движения к поверхности капитан должен был позвонить по телефону и подтвердить, что в лифте «свои». Этот странный порядок выхода появился в шестьдесят девятом году (коридоров тогда было только три, а телефон на столе был армейский, железный), после того как один из эсперов задушил дежурного, забрал его пистолет, поднялся наверх, перестрелял охрану и в течение двух часов делал что-то со стационарной армейской радиостанцией.

Караульный взвод уложил сумасшедшего без особого труда и дальнейших потерь. Но трехлетняя работа одного из сибирских «ящиков» так и не дала ответа на главный вопрос: что делал эспер, зоолог по образованию, с радиостанцией, почему хиленькие кремниевые транзисторы не перегорают при напряжении двести семьдесят вольт, откуда это напряжение берется и куда уходит с антенны, закрученной в виде раковины каури.

Теперь любой последователь бедного зоолога встретил бы наверху, в приемной, не только хорошо вооруженную охрану, но и простенькое устройство, при звуке выстрелов или громких криках запирающее двери и наполняющее помещение слезоточивым газом.

Если же все было в порядке, то, поднявшись по лестнице из приемной — огромного и тоже подземного комплекса, можно было через подвал войти в здание Института средств наглядной агитации — режимного предприятия, призванного повышать моральный дух бойцов когда-то советской, а ныне российской армии. Из Института уже без особых проблем можно было попасть на старую улочку в центре Москвы. Руководство объекта

«пси» тихо гордилось двумя вещами: тем, что ни одна иностранная держава не знает о его существовании, и тем, что нигде, даже в Штатах, по данным разведки, подобного объекта нет.

Мужчина, сидящий сейчас в деревянной комнате, был одним из эсперов «пси». Насколько он мог судить, их группа насчитывала почти четыре десятка человек, с тремя другими эсперами он даже был знаком. Приложив некоторые усилия, он мог узнать точную цифру, но работа в «пси» давно приучила его не стремиться к излишним знаниям. Через два дня, на третий, он приходил в Институт средств наглядной агитации, предъявлял пропуск, спускался на минус первый этаж, предъявлял другой пропуск, затем произносил в микрофон стихотворную строфу, которая была паролем этого месяца. Однажды, слегка охрипнув, он продекламировал бессмертную фразу о дяде, который был честных правил, но не в шутку занемог. Прележав полчаса под дулом автомата на бетонном полу, эспер едва не повторил его судьбу. Уже несколько лет в «пси» собирались установить систему идентификации по сетчатке глаза, но пока дальше разговоров дело не шло. Возможно, потому, что польза «пси» всегда была под вопросом у руководства.

Когда-то мужчина работал во втором коридоре подземного центра. Отсидевая по двенадцать часов в почти такой же комнате, он занимался очень странным делом: размышлял, не запущены ли американские или китайские ядерные ракеты в сторону России? Однажды он почувствовал — болезненно ясно, почти увидел, как из льдистой серой воды выпрыгивают титановые туши «Поларисов», висают, танцуя на огненном столбе, и медленно отправляются в свой последний путь. Глотая ставший колючим воздух, он выбежал из комнаты

параграф первый: в случае предвидения...

*и заорал на дежурного за обитым жостью столом,
а если ошибка? если бы ошибка... только бы ошибка...*

спеша успеть, хотя что можно было сделать, если он увидел случившееся?

Дежурный, вылавливая телефонную трубку, медленно бледнел. И вдруг эспер почувствовал, как его отпускает,

ракеты уже не выпрыгивали из воды, зато на ребристом стальном полу лежал пожилой мужчина в чужой военной форме, и кровь текла из пулевого отверстия в виске

как будущее, не успев случиться, становится лишь возможным.

Потом его отпаивали коньяком, а поднятые с постелей коллеги пытались прощупать еще хоть что-то. Почти месяц он ходил, ожидая решения руководства о своей профпригодности. Это был очень долгий месяц, пока разведка вылавливала крохи сверхсекретной информации о сошедшем с ума американском адмирале...

Эспера повысили в звании, отправили с семьей в санаторий и премировали — очень крупной суммой.

Работать в группе предупреждения ракетного нападения он после этого не смог. Уж слишком четко помнились серые конусы обтекателей, вынырывающие из вспененной воды. Ему предлагали перейти в группу предупреждения промышленных катастроф

Да, Чернобыля ребята не увидели, но Чернобыль должен был быть лишь третьим в ряду атомных аварий

или в группу социальных конфликтов. Но он выбрал самый новый сектор «пси» — группу общепланетарных опасностей.

Какие опасности они должны были предугадывать — никогда четко не формулировалось. Как говорил один из эсперов — от землетрясения на Тайване до угасания солнца... Но пока, за два года работы, никаких предупреждений отдел выдать не смог.

Устроившись поудобнее — дежурство будет длиться шесть часов, — эспер уже не в первый раз подумал о том, что отдел «общепланетарных опасностей» был даже не данью политической моде, как он решил вначале — какие, к черту, общечеловеческие ценности в их организации? — а просто синекурой для отработавших эсперов. Те, кто подобно ему переживал яркий «прокол реальности», нормально функционировать уже не могли. Психика подводила, то подкидывая ложные предвидения, сотканные из воспоминаний, то старательно не замечая настоящих опасностей. Но пенсии у эсперов не существовало. Вывести людей из штата, но сохранить при этом охрану и наблюдение за ними в полном объеме — этого не тянул даже бюджет «пси». Вот и был изобретен новый сектор, безобидный и непритязательный.

Одна свеча догорала. Мужчина затушил фитилек — легкая струйка дыма уплыла в вытяжную решетку, пошарил в столе в поисках новой свечи. Никто не знал, почему электрическое освещение, металл, пластмасса гасили экстрасенсорные способности. Это было принято как аксиома, и...

тяжесть в висках

помещения эсперов оборудованы...

пламя, пламя перед глазами, огонек на свече вырос в целый факел, что со мной?

Что со мной?

прокол

Он вдруг увидел — увидел так ясно, что знаменитый, снявший ему славу прокол с «Поларисами» стал лишь бледной акварелью на фоне многоцветного пейзажа. Он увидел лица — только лица. Шестеро...

И за ними — смерть.

Мужчина не успел выйти из-за стола, повалился лицом в теплый воск потушенного огарка. Остановилось сердце — просто жалось и не захотело разжиматься. Словно решило — хватит.

Боли не было. Эспер сползал на пол, а перед глазами мелькали картины — будущее, за которым он был поставлен надзирать, которое должен был предотвратить.

Даже умирая, в те секунды, пока лишенный кислорода мозг продолжал жить, он пытался понять, что же наполнило его этим запредельным ужасом, имя которому — смерть.

Он понял.

И умер с сознанием человека, которому повезло, который — пусть и дорогой ценой — успел спастись.

Анатолий Владимирович Шестаков, подполковник, никогда не надевавший формы, тридцатисемилетний эспер, которого по традиции «пси» никогда не звали по имени, лежал в деревянной комнате глубоко под московскими улицами и улыбался.

Догорела вторая свеча, и сумрак раздвинул стены, делая комнату просторной и торжественной.

Потом, замигав, жался в искру фитилек третьей свечи. И наступил мрак, в котором не было ни размеров, ни времени, ни страха.

1

Человек, полчаса простоявший на холодной лестничной площадке между двумя этажами, спиной к решетчатой шахте лифта, обычно имеет для этого основания. Он может быть основательным и неторопливым курильщиком, запасавшимся никотином на ночь, может забыть ключи и ожидать опаздывающую супругу, может вылавливать должника.

Илья Карамазов не курил и никогда не был женат. В какой-то мере к нему подходил лишь третий вариант. Глядя на ровную темно-голубую краску стен, он ждал терпеливо и безучастно. Временами он прикрывал глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Может быть, так оно и было.

Минуты текли неторопливо, и мало кто выдержал бы, не меняя ни позы, ни выражения лица. Но у Ильи был богатый опыт таких ожиданий. Он лишь изредка переминался на месте, а однажды поежился, резко передернув плечами. Осень была холодной и затяжной.

Где-то вверху хлопнули тяжелые двери, и он слегка подобрался. Гулкие шаги на площадке, тишина, клацанье включившегося лифта. Илья вновь расслабился.

Работа не терпит суеты.

Когда шаги послышались снизу, лицо Ильи приобрело любопытное, почти по-детски нетерпеливое выражение. Он ждал шума поднимающегося лифта, но моторы молчали. Прекрасно. Его клиент никогда не упускал возможности подняться на второй этаж пешком. Ежедневный моцион бизнесмена, слишком ленивого и немолодого, чтобы играть в теннис...

Илья достал из глубокого кармана плаща «ПМ» и сдвинул предохранитель. Плавно сместился вдоль лифтовой шахты, так чтобы сквозь решетку видеть дверь девяносто второй квартиры. Приятно работать в больших домах — это очень здорово, что у тех, кто имеет средства на собственные особняки, до сих пор развито стремление «не выделяться».

На лестнице показался человек — серый плащ почти такого же покроя, как у Ильи, с удобными большими карманами, короткая стрижка. Карамазов замер в спасительной полутьме подь-

езда. *Этот* почувствует любое движение. *Этот* — достойный соперник. Азарт колкими искрами пробежал по телу.

Человек вышел на площадку, встал между дверьми девяносто первой и девяносто второй квартир. Илья отвел взгляд от его лица. Они могли почувствовать друг друга — два человека в плащах с глубокими карманами, чей путь пересекся из-за третьего.

Потом показался и клиент. Пожилой, грузный, одетый чуть небрежно. Немодное пальто, шляпа чуть ли не советских времен.

— До завтра, Игорь, — звякая ключами, сказал клиент. Телохраниитель не ответил. Он продолжал смотреть на лестницу — не видя, *но чувствуя*. Мягко открылась тяжелая бронированная дверь.

— До свидания, Эдуард Петрович.

Телохраниитель дождался, пока дверь закрылась, и пошел вниз. Неуверенно, словно чувствуя, что сделал не все необходимое.

Илья действовал не раздумывая. У него были лишь секунды — те секунды, пока клиент снимает пальто и разувается, пока он уверен, что его охранник еще рядом. Илья пошел вниз по лестнице, неосознанно копируя и темп, и манеру движения телохраниителя. В миг, когда тот выходил из подъезда, Илья оказался у двери и нажал кнопку звонка. Где-то рядом, неслышная за толстыми стенами и пуленепробиваемой сталью, замурлыкала веселенькая музыка.

Внизу хлопнула дверь подъезда. И в унисон ей открылась дверь квартиры.

— Что, Игорь?.. — Человек осекся, глядя в лицо Ильи. Карамазов толкнул его коротко и сильно, отпихивая в глубину коридора. Стрелять в упор — небольшое удовольствие.

«ПМ» хлопнул два раза, вначале почти неслышно, потом с легким, невнятным звуком. Эдуард Петрович все с тем же удивлением на лице повалился на янтарно-желтый паркет. Илья задумчиво посмотрел на тело. Контрольного выстрела в голову он не делал никогда — во-первых, это придавало убийству почерк непрофессионала, во-вторых, позволяло родным по-человечески проститься с покойным. Раньше он стрелял только один раз, но с полгода назад, услышав, что у некоторых людей сердце рас-

положено справа, стал делать дополнительный выстрел. На всякий случай.

Оставалась последняя формальность, входившая в стоимость заказа. Ее полагалось сделать перед акцией, но Илья не видел большой разницы между мгновением до и мгновением после.

— Это проценты по известному тебе кредиту, Эдуард Петрович, — морщась от напыщенной бессмысленности фразы, произнес он. Работа на экспансивных южан всегда связана с подобными глупостями, но этой осенью было не слишком много заказов.

...Из подъезда серого «сталинского» дома Илья вышел после того, как аккуратно проверил, нет ли пятен на плаще. Прошел длинным двором мимо кучки подростков, оккупировавших беседку. Грязно-желтые листья устлали асфальт недолгим осенним ковром. Накрапывал мелкий дождик, и прохожие были торопливы. Хороший день для работы.

Пройдя мимо рядов киосков и маленького базарчика, он смешался с толпой, втекающей на станцию метро. Четверти часа от «Электрозаводской» до «Комсомольской» было вполне достаточно, чтобы расслабиться окончательно. В переходе Илья купил пару газет и рассеянно просмотрел их в вагоне, поглядывая то на текст, то на стоявшую в нескольких шагах девочку лет десяти. Девочка была очень серьезная и деловитая, ее сосредоточенное лицо вполне подошло бы взрослой женщине. Илье такие нравились.

Ему захотелось побыстрее попасть домой.

2

Кирилл любил осень.

Если мы спросим себя, как отражается на человеческой судьбе любовь к тому или иному времени года, то вряд ли найдем ответ. Связь, наверное, есть, но какова она — не подскажет самый талантливый психолог. Можно любить зиму и нести в себе тепло, можно предпочитать лето, оставаясь осколком льда.

Кириллу нравилась осень, и не та багряно-золотая, воспетая Пушкиным, а самая обычная московская — с тоскливым серым